

ОТ ПРАВОДИКОВ

КОНСТАНТИН БУШУЕВ

Annotation

Он и она. Молодой армейский офицер и очаровательная студентка. В прошлом году они пережили бурную и увлекательную любовную историю, оборвавшуюся на самом пике. А вот сейчас девушка арестована по обвинению в убийстве своего нового парня, называвшего себя «коллекционером девственниц». Бывший молодой человек, уверенный в ее невинности, приходит на помощь девушке. Вместе со знакомым адвокатом они проводят собственное расследование, и в результате вскрываются шокирующие факты... Поистине, любовь бывает разной, и из-за нее люди способны на все...

Константин Бушуев

Оправдание

Сколько смертей за тобою, миролюбивый Амур... Прав был мудрый римлянин. Двадцать веков минуло, и ничего не изменилось, так и продолжает литься кровь из-за великого чувства, от которого не свободен никто, даже самый жестокосердный и бесчувственный человек... И не только из-за Любви, но из-за ее антипода, из-за ненависти. Что ж удивительного, это именно тот случай, который в философии именуется единством и борьбой противоположностей. От Любви до ненависти – один шаг, как от одной стороны бумажного листа до другой. Сначала кого-то любишь, потом кого-то ненавидишь, потом кого-то убиваешь... Вот и еще одной смертью больше стало. На моих руках кровь... Нет, не в прямом смысле, а в метафорическом, не запачкаться вроде бы удалось. Теперь нужно сохранять спокойствие, да, вот именно, хладнокровие и спокойствие, и не наделать ошибок... Сквозь маленькое окошко виднеются темные стволы сосен и чуть дальше – водная гладь озера, а еще дальше – готовое закатиться за далекие леса бордовое солнце. Оно еще полностью не зашло, но уже темно, особенно здесь, в тени кустов и деревьев. Свет в прихожей включен, но окно такое маленькое, что никто из людей, сидящих сейчас на берегу озера, наверняка не мог видеть того, что происходило здесь пару минут назад. Как сидели у самой кромки воды, так и сидят, только почему-то их меньше стало... Вот незадача, кто-то из них сюда идет! Действовать, быстро!

Глядя на сидящего напротив меня молодого человека, я невольно думал не только о предмете нашего разговора, но и о той неотвратимости, с которой природа меняет внешность каждого из нас. Последний раз я видел Сережу Волкова лет двенадцать назад, и тогда его правильнее было бы называть не «молодым человеком», а подростком, с еще не до конца сформировавшимися чертами лица и контурами тела. Он тогда заканчивал последний класс в средней школе. Теперь же я видел перед собой взрослого мужчину, аккуратного, подтянутого и в меру накачанного, с правильными чертами лица. Единственное, что бросалось в глаза так же сильно, как в нашу предыдущую встречу, это его сходство с матерью. Мне кажется, крайне редко бывает, чтобы сын был так похож на свою мать. Причем лицо Сергея вовсе не казалось женственным. Нет, нет, настоящий молодой мужик! Темно-зеленая военная форма с капитанскими погонами сидела на нем очень хорошо, как бы подчеркивая рельеф тела.

– Вы хорошо знаете меня, Валерий Павлович, вы много лет знакомы с моими родителями, – говорил Сергей, – и мы никогда не обращались к вам за профессиональной помощью. Я примерно знаю, сколько стоят ваши услуги. Не буду сейчас давать конкретных обещаний непременно расплатиться к такой-то точной дате, сами понимаете, на моей должности денежный оклад невелик. Но рано или поздно я с вами обязательно расплачусь. Мне просто нужно чтобы вы немедленно взялись за дело, желательно прямо сегодня. Эта девушка уже две ночи провела в следственном изоляторе. Она, которая никогда никакого отношения к преступному миру не имела! Девочка из благополучной семьи, золотая медаль, на красный диплом идет, спортсменка, красавица – и вынуждена сидеть в камере с наркоторговками и прочим сбродом, за то, чего не совершала!..

– В следственном изоляторе сидят не за что-то, – мягко поправил я. — Это просто мера пресечения, дабы не допустить ухода обвиняемого в бега или каких-то действий, могущих помешать ведению следствия... Хотя, конечно, ей от этого не легче, если она невиновна, как ты утверждаешь.

– Она невиновна, я уверен в этом, – убежденно сказал Сергей. — Помогите ей, прошу вас. Повторяю, в ближайшее время я обязательно найду возможность с вами расплатиться. Главное, чтобы она была или оправдана в суде, или чтобы ее освободили из-под стражи в связи с недостатком улик. Чем скорее, тем лучше! Представляю, каково ей сейчас сидеть в этом вич-инфицированном свиарнике, вы ж там постоянно бываете, наверняка знаете, какая мерзость этот СИЗО...

Да, в следственном изоляторе я по роду профессии бываю довольно часто. В принципе, половину своих клиентов я впервые встречаю именно в стенах этого малоприятного учреждения на Екатерининском шоссе. Антисанитария, теснота, неаппетитные запахи, хамство администрации, тяжелейший психологический климат – все это есть, все это никуда не исчезло с советских времен. В женском отделении, конечно, получше будет, но для двадцатидвухлетней девушки Насти, за которую просил Сергей Волков, тамошние условия все равно невыносимы, после добропорядочной и спокойной жизни на свободе.

А по поводу помощи... Не то чтобы я совсем не умел отказывать людям, которые обращаются ко мне с просьбами, но в данном случае сказать «Нет, извини, я не могу» и сослаться на кучу неотложных дел было бы непорядочно. Да, да, именно такое слово здесь

наиболее уместно, слово, порядком подзабытое в наш меркантильный век. Во-первых, особой занятости у меня как раз не было, если не считать гражданского дела о взыскании задолженности с физического лица и еще одного дела об административном правонарушении, повлекшем лишение водительских прав. А во-вторых, меня, адвоката Лебедева, связывает более чем тридцатилетняя дружба с матерью этого молодого человека, Людмилой. В далекие семидесятые мы с ней учились на одном курсе, и даже дипломы получали из рук декана в один день. Некоторое время я был в нее влюблен... Впрочем, все парни из нашей группы хоть на несколько дней в нее влюблялся, ничего странного в этом нет, ведь в то время на технических факультетах прекрасного пола было крайне мало, раз два и обчелся. После получения дипломов наши пути разошлись, Люда стала работать по специальности и добилась впечатляющих успехов в рационализаторском деле, у нее на счету около двадцати запатентованных изобретений и примерно столько же научных статей, она заслуженный изобретатель Российской Федерации. Многих наших парней обошла, молодец. Ну а мне с применением полученной специальности не повезло, как-то не лежала душа к формулам и графикам. Зачем, спрашивается, поступал на техническую специальность? Да просто ошибся, принял временный всплеск интереса чуть ли не за жизненное призвание, да еще к тому же институт недалеко от дома располагался... В старших классах с физикой и химией проблем не было, а вот уже на первом курсе понял: не мое. И через несколько лет, изнывая от скуки в одном малопрестижном НИИ и почитывая время от времени детективные романы, наконец нащупал то, что меня действительно интересовало. Поступил в Юридическую Академию, успешно ее окончил, и с конца восьмидесятых занимаюсь адвокатской частной практикой. А после восьмидесятых были девяностые – какое время! Грязное, отвратительное, время втаптывания в навоз всех былых идеалов, огульного отрицания всего что было «раньше», время разрушений и катастроф... Но, хоть и стыдно об этом говорить, удивительно плодотворное и насыщенное время для людей моей второй профессии. Разгул преступности – основа благосостояния адвокатов, особенно таких как я, специалистов в области уголовного права. Какие только негодяи ко мне не обращались, каких только подонков не приходилось отмазывать от высшей меры или от зоны!.. Не скажу, что все выигранные мною процессы так уж легко мне дались. Привитые с детства идеалы мешали и по сей день мешают, я ведь с раннего детства усвоил простые истины на тему «что такое хорошо и что такое плохо». Но в процессе адвокатской деятельности у меня выработался какой-то механизм психологической защиты, смысл которого в том что я научился отделять работу от жизни. Разваливать уголовное дело против какого-нибудь обкурившегося отморозка, совершившего тяжкое преступление ради очередной дозы (и не скрывающего от меня свою виновность) – это моя работа. В конце концов, отморозок тоже гражданин, и имеет те же формальные права, что и остальные жители нашего государства. Отстаиваю его интересы в суде, ищу (и нахожу) прорехи в уголовном деле, полемизирую с прокурором, высасываю из пальца смягчающие обстоятельства – и успокаиваю себя тем, что это всего лишь работа, которую выполняет не конкретный человек Валерий Павлович Лебедев, а тот адвокат, роль которого он играет... Ну, как актер в театре.

– Правильно ли я понял, что задержанная по подозрению в убийстве Анастасия Трофимова – твоя бывшая девушка? – спросил я, и было заметно, как Сергей судорожно сглотнул при слове «бывшая».

– Да, у нас были очень близкие отношения в прошлом году, примерно месяцев семь... Расстались незадолго до Нового года.

– А убитый – это ее новый молодой человек?

– Да... Но не просто новый, он еще и ее первый мужчина.

– То есть как? – не сразу понял я. Почему-то вспомнился анекдот про студентку, которая на экзамене по экономике не может вспомнить имя английского ученого Адама Смита, преподаватель хочет ей помочь, спрашивает про имя первого мужчины, а она, смущенно улыбувшись, отвечает: «Витя...»

– Ну, она с ним раньше общалась, еще до знакомства со мной. Они же в одном вузе учились, только на разных факультетах. Потом разбежались, там у них вообще какая-то сложная и некрасивая история случилась... Через какое-то время мы с ней познакомились, у нас завязались отношения, и все было хорошо и безоблачно до определенного момента, пока не начались трудности в общении, как у многих пар случается...

Сергей опять сглотнул и немного помолчал. Расспрашивать его о конкретных причинах расставания с девушкой я не стал. Успеется.

– А вскоре после нашего разрыва, – продолжил Сергей, – она где-то пересеклась с этим самым Колей. Не знаю уж почему, но она снова стала с ним встречаться. Думаю, именно потому, что он ее первый мужчина... Может, вы слышали, есть психологическая теория, что первый сексуальный опыт навсегда откладывается в памяти женщины, и что она при выборе спутника жизни подсознательно руководствуется этим опытом, ищет во всех представителях мужского пола сходство с тем, первым...

– И тем самым усложняет жизнь самой себе, но ничего не может поделать, – задумчиво сказал я. – А ты сам-то когда узнал, что они опять сошлись?

– Месяца два назад узнал, в марте, а встречаются они с февраля. В прошлом году, когда мы с Настей вместе были, она меня свела кое с кем из своих друзей и знакомых, вот одна из ее подруг мне и сообщила, что опять появился Коля Абрамов, и что они с Настей чуть ли не вместе живут. Подруга, правда, преувеличила, Настя никогда с парнями не жила, только с родителями. У меня она иногда оставалась ночевать, ну максимум двое суток мы вместе проводили, не считая поездки на Черное море прошлым летом. Вот так, наверное, у нее и с Абрамовым было...

– Ну ладно, Сереж, к личным отношениям вашим нам еще придется вернуться чуть позже, – сказал я. – А сейчас расскажи мне, пожалуйста, все, что тебе конкретно известно об убийстве Коли Абрамова. Кстати, как ты вообще узнал, от кого?

– От той же самой подруги и узнал, ее Катей зовут. Она даже не то чтобы подруга, скорее бывшая подруга. Раньше они с Настей неразлучны были, а полтора года назад поссорились, не знаю из-за чего. С тех пор просто варились в одних и тех же компаниях. Вот эта Катя мне и написала на одном социальном сайте, что позавчера вечером Настя с небольшой компанией ездила на загородный пикник, и там грохнули ее парня, а подозревают в убийстве саму Настю... Я тут же позвонил ее родителям, ее брату, они мне и рассказали все подробности. Брат ее ведь тоже в той компании был, на озере, на его глазах Настю и арестовали менты.

– Не арестовали, а задержали, арестовать в нашей стране может только суд, – по своей профессиональной привычке уточнил я, но сразу сообразил, что расстроенному до глубины души Сергею сейчас не до моих поправок. – Ладно, Сереж, не переживай, мы с тобой все исправим... Давай, излагай со всеми подробностями.

Фантазия – вот каким талантом обязательно должен обладать творческий человек! Фантазией и воображением. Сам я всегда считал себя человеком творческим, и, не довольствуясь фантазией и воображением, данными мне от природы, усиленно развивал в себе эти качества. И не приходилось для этого придумывать какие-то экзотические приемы, все гораздо проще – нужно читать книги. Не я первым научно обосновал простую и понятную мысль, что чтение книг намного полезнее просмотра фильмов. Смотрим мы фильм – и уже видим все события на экране, видим людей, видим их действия, видим пейзажи, интерьер помещений, и все это уже в готовом виде, не нужно ничего представлять, просто сиди и смотри, попкорн жуй. Иное дело – чтение. Ведь что такое книга, по сути? Россыпь черных закорючек на белых листах бумаги. И вот эти черные закорючки на белом фоне нам нужно раскрасить в цвета и оттенки, нам нужно силой воображения вызвать в сознании картины событий, портреты людей, выражения лиц, интонации голосов, природные ландшафты, внутреннее убранство помещений... Воистину, кто не читает книг, тот сам никогда не сумеет написать ничего хорошего. И никогда не сумеет раскрыть тщательно подготовленное уголовное преступление, потому что для такой работы фантазия нужна никак не меньшая, чем для создания литературных шедевров.

К превращению звуков и слов в живые образы я приучен с детства, поэтому, слушая немного сбивчивый рассказ моего юного друга, сразу же представлял себе картину происшедшего. Завязка событий была простой и вызвала ассоциации со многими американскими триллерами, в которых группа сексуально озабоченных подростков оказывается в каком-нибудь уединенном местечке и подвергается атакам безжалостного убийцы в маске, уничтожающего их один за другим при помощи ножа, бензопилы или газонокосилки. Собралась молодежная студенческая компания, шесть человек, две девушки и четверо парней, всем по двадцать два-двадцать три года, одному только брату Насти Трофимовой двадцать пять. Решили провести субботний вечер и последующую ночь на берегу озера Радужного, это в получасе езды на машине от западной окраины нашего города, в сосновом лесу. Все шестеро друг друга хорошо знают, всех связывает по меньшей мере пятилетняя дружба. Среди них имеются две влюбленные парочки. Первая: сама Настя и Николай Абрамов, для которого пикник на озере в конечном итоге стал последним. Вторая парочка: Юлия Назарова и Михаил Григорьев, однокурсники Насти. Все трое учатся в Государственной Академии Высоких Технологий (надо ж было такое название придумать, браво ректору!), на инженерно-экономическом факультете, пятый курс добивают, дипломы пишут. Новый бой-френд Насти тоже учился в этой Академии, только на другом факультете. Теперь ему диплом не нужен... Пятый участник веселой компании – старший брат Насти, Максим. Этот самый Максим Трофимов окончил какой-то не очень престижный вуз двумя годами ранее, по специальности не работает, продолжает жить в квартире с родителями и сестрой. И шестой – паренек из полурусской-полуеврейской семьи потомственных врачей, Аркадий Завитаев, студент-медик.

Озеро Радужное мне знакомо, бывал там несколько раз. Небольшой водоем, не больше квадратного километра по площади водного зеркала. Вода – чистейшая, берег с одной стороны песчаный, с другой болотистый. Песчаная сторона разделена на две части, одну занимает миниатюрный дикий пляж, другую – студенческая база отдыха. Формально она

является собственностью той самой Академии Высоких Технологий, одним из лозунгов которой является всемерная поддержка спорта и здорового образа жизни. По сути, база отдыха представляет собой просто два десятка одноэтажных деревянных домиков, стоящих на некотором удалении друг от друга, такое же деревянное административное здание и будка охранников, в которой обычно сидят двое не очень дряхлых пенсионеров, зарабатывающих прибавку к нежирной пенсии. В июле и августе жизнь на базе бьет ключом, студентов наезжает столько, что домиков не хватает, приходится палатки разбивать прямо под соснами. Впрочем, далеко не все обязательно живут на базе, некоторые приезжают на несколько часов, а ближе к ночи сваливают по домам. На территории базы расположен лодочный причал, так что есть возможность заниматься греблей. Некоторые студенты, отдыхающие после летней сессии, именно греблей и занимаются, но есть и такие которые просто купаются, загорают, по вечерам пьют водку и пиво и закусывают шашлыком, а по ночам устраивают свою личную жизнь в разных укромных уголках, благо родительского контроля на озере нет, а количество мальчиков и девочек примерно одинаковое... Но так бывает летом, во время каникул, а в середине мая база пустует. Администрация всегда готова предоставить домик любым желающим для проведения уик-энда, за сравнительно небольшую денежную сумму. Причем желающими могут оказаться и люди, не имеющие вообще никакого отношения к Академии.

Вот такой возможностью и воспользовались Настя и ее друзья... Приехали в субботу около шести часов вечера на двух машинах, в одной за рулем Максим Трофимов, в другой – Миша Григорьев. Машины оставили на стоянке, прямо на территории базы, разложили привезенные вещи и продукты в домике. Не знаю уж, чем они там занимались, как себя развлекали и что между ними происходило, но на двадцать два часа местного времени картина вырисовывается такая: все шестеро сидят у самой воды, кто на гранитных валунах, кто на раскладных стульчиках, употребляют салатики, шашлык и алкогольную продукцию, любуются закатом солнца... На ровном месте вдруг разгорается какой-то конфликт между Настей и Колей Абрамовым, и распсиховавшийся парень уходит в домик. До него совсем недалеко, метров тридцать от берега. Кто-то из компании идет за ним, пытается успокоить и вернуть, но мальчик всех посылает к черту и остается в домике. Спустя какое-то время Настя идет вслед за ним, заходит в домик и... А вот дальше непонятно. По мнению Сергея, она обнаружила там труп своего молодого человека с проломленной ударом топора головой, и то ли потеряла сознание, то ли выскочила из домика и позвала остальных ребят на помощь. А вот по мнению дежурного следователя, который прибыл на базу в составе оперативно-следственной группы около двадцати трех часов, никакой труп она в домике не находила, зато собственноручно обработала топором своего обидчивого молодого человека, нанесла ему несовместимые с жизнью ранения и только после этого позвала на помощь. Следователь ей не поверил и прямо с пикника отправил в следственный изолятор, где она и пребывает по сей момент.

Понятно, что Сергей Волков не сообщил мне всех подробностей. Он и не мог их знать, его ведь там не было. У меня в голове носилось множество вопросов, на которые очень хотелось бы получить ответы. Но для того чтобы получить ответы, нужно общаться с непосредственными участниками разыгравшейся на озере драмы, и в первую очередь с самой Настей.

– Если ее задержали вечером в субботу, то есть позавчера, значит, сегодня должны либо освободить, либо отправить в суд для решения вопроса о дальнейшем содержании по стражей. До суда гражданин может находиться в камере не более сорока восьми часов...

– Да был уже суд, сегодня, в двенадцать! – раздраженно перебил меня Сергей.
– Вынесено решение о заключении под стражу на два месяца. Мне ее брат по телефону рассказал про этот фарс, и про судью-крысу, которая Настю и не слушала даже, бумажками пошуршала, сама с собой посоветовалась и вынесла решение... Ни чистую биографию в расчет не приняла, ни положительные характеристики с места учебы! Я не знаю, кем надо быть, чтобы такую девочку в камеру отправить, в вонь и грязь...

– Как фамилия судьи? – поинтересовался я.

– Не знаю, Макс не сказал. Из районного суда Западного района, маленького роста, лет пятьдесят с небольшим... Вот зачем надо было Настю в камеру, что, неужели нельзя было под залог или под подписку освободить?

Я только вздохнул. Несмотря на все разговоры о гуманизации правосудия, реальная практика наших судов остается прежней, заточенной на обвинение и досудебное содержание под стражей. Подписку или залог суд может применить в качестве меры пресечения, если речь идет либо о пустяковом преступлении типа кражи бутылки коньяка в магазине самообслуживания, либо об экономическом преступлении, когда обвиняемым является высокопоставленное уважаемое лицо, которое клятвенно обещает вернуть в бюджет все украденные деньги, до копейки. А уж если человек, обычный среднестатистический гражданин, обвиняется в тяжком насильственном преступлении, и прокурор ходатайствует о заключении под стражу, то можно не сомневаться: в девяти из десяти случаях судья ходатайство удовлетворит. В случае же с Настей Трофимовой не было даже одного шанса из десяти, учитывая личность судьи. Сергей не знал фамилии, но пол и возраст говорят сами за себя. Ну не может пятидесятилетняя женщина с сединой в волосах, климаксом и налевоходящим мужем гуманно отнестись к молодой стройной красавице! Не может! Она в этой красавице будет видеть потенциальную соперницу, потенциальную стерву, которая того и гляди уведет непостоянного мужа-теленка из постылого семейного стойла... Не раз и не два я наблюдал в разных судах мерзкие картины сведения счетов с молодыми девушками и женщинами, и мне как мужику в такие моменты хотелось вообще отправить на досрочную пенсию всех женщин-судей старше тридцати пяти лет.

– Она красивая? – вдруг спросил я.

– Кто?

– Твоя Настя.

И опять Волков сглотнул, подумал немного, достал из сумки фотографию и положил на стол. Осторожно взяв ее в руки, я несколько минут смотрел на запечатленную на снимке стройную блондинку. Все мужское выиграло во мне... Настя Трофимова была непостижимой, умопомрачительной красавицей.

– Валькирия... – с нескрываемым восхищением произнес я. – Настоящая Валькирия из древнегерманской легенды. Мне жаль, что ты ее потерял, Сережа.

– Валькирию она и мне тоже напоминала, белокурую деву-воительницу... Но чаще всего я называл ее Снежной Королевой.

* * *

– Добрый вечер, Снежная Королева.

Девушка изящно повернулась, и Волков потонул в океанах ее глаз. Возле огромного

здания городской филармонии было довольно людно, но он никого не видел, кроме той, с которой неделю переписывался на сайте знакомств и вот наконец встретился в реальности.

– Здравствуй, Сережа, – Настя улыбнулась, и Волков молча восхитился ее голливудской улыбкой.

– Хорошее место мы с тобой выбрали для первой встречи, да?

– Очень хорошее... Я здесь часто бываю, на разных концертах, и всегда получаю море удовольствия. Знаешь, мне часто говорят, что я не похожа на меломанку, любительницу классической музыки. Говорят, слишком уж я беззаботная, жизнерадостная и современная, чтобы восхищаться «Гибелью богов» и «Лунной сонатой»... Но что же поделать, если я от них и правда летаю?...

«Ничего не надо делать, ангелу и положено летать, хоть с музыкой, хоть без музыки», – подумал Волков.

– Музыкальные пристрастия отдельно взятого индивидуума далеко не всегда соответствуют его личности, – изрек он вслух. – Вот у меня нет никакого музыкального образования, да и слух тоже хромает, хотя попеть в караоке могу иногда, под настроение... Кстати, а мне часто говорят, что мои вкусы чуть ли не шизофренические, настолько широкий диапазон, от Моцарта до Виагры.

– Я думаю, нам будет интересно друг с другом, – опять улыбнулась Настя. – Куда мы сейчас пойдём?

– Поблизости есть одно прекрасное местечко, называется «Парадиз». Я бы предложил тебе немного посидеть там. Пойдем, нам вон туда, через сквер.

– «Па-ра-диз», – по слогам произнесла девушка, когда они проходили мимо начинающих зеленеть кустов сирени, – на некоторых языках это слово означает «рай».

– Так оно и есть, – кивнул Сергей. Когда Настя упомянула про языки, он смутно ощутил в ее речи легкий, едва уловимый акцент. Как будто нечто прибалтийское, то ли латышское, то ли литовское.

– Настя, а какие иностранные языки ты знаешь?

– Хороший вопрос... Видишь ли, для меня три языка являются родными: русский, польский и французский. А в школе и в Академии я изучала английский, now I speak English quite fluently.

Девушка перешла на английский так внезапно и непринужденно, что Волков даже немного растерялся от неожиданности. Сам он тоже «спикал» почти свободно, но говорить об этом не стал. Иначе пришлось бы объяснять, где именно он так поднаторел в языке Шекспира, а распространяться на эту тему Сергей не любил.

– Да, помню, ты мне писала о своем происхождении от эмигрантов первой волны... Но ведь папа и мама у тебя русские?

– Мама – да, а папа – не совсем. По паспорту числится русским, но одна из его бабушек была чистокровной француженкой, правда, большую часть жизни она прожила в Канаде. Его другая бабушка – чистокровная полячка. Семейная легенда гласит, что она является потомком самого Тадеуша Косцюшко. Тебе же знакомо это имя?

– Естественно, – кивнул Сергей и вкратце пересказал биографию польского национального героя, посвятившего всю жизнь борьбе за воссоздание великой Речи Посполитой, от моря до моря. Он еще в ходе виртуальной переписки отметил эту привычку Насти – невзначай упоминать в разговоре какое-то имя или какой-то факт и наблюдать за реакцией собеседника – знает или не знает? слышал или не слышал? думал или не думал?...

Волков и сам любил проверять эрудицию знакомых и малознакомых людей, и привычка Насти Трофимовой пришлась ему по душе.

— Какая ты полиэтническая девочка, — усмехнулся он. — А меня всегда занимали национальные вопросы. Ну вот, в частности, такой: как чувствуют себя представители нацменьшинств в России? Не те таджики, которые приезжают сюда на заработки от тяжелой жизни в независимом Тожикистане, а те армяне или татары, которые здесь родились и выросли? Или вот ты... Чувствуешь ли ты себя в полной мере русской?

— А как же иначе, — пожала плечами девушка. — Я ведь сама-то родилась уже здесь, на Урале, и даже папе моему было только двенадцать лет, когда дедушка с бабушкой решили перебраться из Квебека в СССР. По большому счету, я самая обыкновенная... Ну, на трех языках с детства разговариваю, спасибо за это бабке с дедом, вечный покой да будет им...

«Вечный покой»... Начальные слова католической молитвы. «Обычный» русский человек сказал бы: «Да будет им земля пухом». Волков незаметно скосил глаза на идущую рядом Настю. Она интересовала его все больше и больше.

Кафе «Парадиз» располагалось в полуподвальном помещении. Дневной свет туда не проникал. Оно как будто специально было обустроено для романтических свиданий. Мягкий приглушенный свет, сочащийся с потолка. Уютные кабинки, отделенные одна от другой метровыми перегородками. Мягкие кожаные диванчики. На каждом столике — изящный светильник, который посетители могли включать и выключать по своему желанию. Негромкая музыка в стиле ретро... Шумных застолий с компаниями по десять человек здесь почти не случалось. В основном — парочки.

Волков провел Настю Трофимову к тому столику, который он обычно занимал, приходя сюда с представительницами прекрасного пола. Молодой улыбчивый официант едва заметно кивнул ему в знак приветствия, на мгновение задержал взгляд на Насте, не сдержался и украдкой показал Волкову большой палец в знак восхищения. Память у официанта была хорошая, постоянных посетителей он знал в лицо, а Сергей появлялся в «Парадизе» не реже чем раз в две недели. Через несколько минут на столе появилась бутылка крымского игристого вина, пара салатиков, мясное ассорти, тарталетки с сыром и оливки без косточек. Гастрономические и алкогольные предпочтения Насти Волков успел изучить еще в ходе виртуальной переписки. Он знал, что никаких особых диет девушка не придерживается, однако ужинать старается не очень поздно и не очень обильно, сладкого почти не ест, крепкие спиртные напитки не употребляет, предпочитает шампанское или мартини. Блюда японской кухни в «Парадизе» не подавали, а то бы Сергей непременно заказал для нее еще и роллы, к которым сам он был равнодушен, но которые, как ему было известно, очень нравились Насте.

Хлопнула пробка, искрящееся вино полилось в высокие фужеры. Волков умел наливать шампанское аккуратно, так, чтобы шипучая пена не переливалась через край. Тремя пальцами взяв фужер за тонкую ножку, он внимательно посмотрел на сидящую напротив Настю. Из глаз ее струился волшебный свет... «Неужели никто кроме меня ничего этого не замечает? Ведь она же ходит по улицам, ездит в транспорте, ходит на занятия в своей Академии... Неужели только я один вижу этот холодный свет в ее глазах? На что он похоже? На северное сияние, вот на что...»

— Давай выпьем, Снежная Королева, — тихим голосом обратился он к ней. — Выпьем за нашу первую встречу... Обычно говорят «за знакомство», но мы ведь с тобой уже целую неделю знакомы, заочно.

– Конечно, – она наклонила голову. – Мне с тобой очень нравилось переписываться, Сережа. Моя анкета была на сайте совсем недолго, но мне многие писали, и некоторым мужчинам, с наиболее адекватными анкетными данными, я отвечала. Разочарование наступало быстро, – она усмехнулась, – очень быстро. Почти сразу начинались стереотипные мужские вопросы: а есть ли постоянный парень? а если нет, то почему? А когда у меня последний раз был секс? А в каком возрасте у меня был первый секс? А не желаю ли я составить компанию для совместного похода в ночной клуб? Это я еще не говорю про откровенные гадости, которые мне писали...

Они осторожно чокнулись фужерами. С наслаждением потягивая холодное вино, Волков поинтересовался:

– А мои вопросы тебе не показались нескромными? Я ведь тоже расспрашивал тебя о прошлых отношениях, о твоих мужчинах... Меня действительно удивило, что такая девушка пользуется сайтами знакомств, с твоими-то внешними данными.

– Ты задавал вопросы в такой форме, что на них хотелось отвечать... Содержание — первично, форма — вторична, но ведь она тоже важна, она же всегда лежит на поверхности. Очень часто за красивой внешней формой можно не заметить внутреннего содержания... А что касается причин, по которым я зарегистрировалась на сайте... Дело ведь не в том, что мною никто не интересуется. А в том, что меня никто не может увлечь и всерьез заинтересовать на длительное время... Так мало интересных, ярких личностей в Городе. – Она сделала паузу, глотнула из фужера. – Да и вообще, разве такое редко, чтобы красивая женщина оставалась одна, без мужчины?

Вопрос был явно риторический, отвечать на него Волков не стал. Ему понравилось отсутствие в девушке ложной скромности. Сама себе сделала комплимент, молодец.

– Ты очень красивая, Анастасия, – сказал он, стараясь вложить в интонации максимум проникновенности. – Фотографии, которые ты мне отправляла по e-мейлу, были бесподобны, но вживую ты выглядишь еще эффектнее, это факт.

– Мне очень приятно, что ты так думаешь, Сережа.

«Мне очень приятно, что ты так думаешь». Большинство знакомых девушек Сергея сказали бы просто «спасибо». Непростая особа...

– И еще мне очень приятно, что ты меня пригласил в это замечательное место, здесь царит именно та обстановка, какая мне нравится.

Сергей тогда не счел нужным рассказывать Насте о ее предшественницах, которых он точно так же приводил на первое свидание в «Парадиз». Точнее, не стал рассказывать об их количестве. А месяцем позже, в постели, разговорившись после любовных утех, он ей расскажет о своих интимных приключениях... «Ну что ж, это так естественно для мужчины», скажет тогда Настя и улыбнется...

Они провели за разговорами около двух часов. Говорили о музыке и живописи, о путешествиях и домашних животных, о книгах и фильмах, о православии и католицизме, вспоминали забавные случаи из своей биографии... Первая бутылка быстро опустела, Волков заказал вторую. Он уже точно знал, что встреча эта не последняя, их будет еще много, и что Настя Трофимова не станет для него девушкой на одну ночь. Он не торопился, не гнал лошадей, не сводил разговор к интимным темам. Просто сидел и смотрел в глаза собеседнице, только пару раз коснулся ее руки, лежащей на столе. Расплатившись и выйдя из кафе в вечерний полумрак, не стал зазывать девушку к себе домой «продолжить знакомство», а просто проводил ее до ближайшей автобусной остановки и посадил в маршрутку. Сам сел в

автобус и поехал домой. Сидел в полупустом салоне и вспоминал глаза цвета морской волны и льющийся из них холодный свет. И понять не мог, почему ему так тепло было от этого холода, почему так хотелось окунуться с головой в глаза Снежной Королевы... Феномен «теплого холода» оставался для него необъяснимым еще долго, пока Настя не помогла ему найти разгадку.

Глава 2

Семья у меня самая обычная, жена и дочка. С женой меня связывает тридцать лет брака, во время которого случилось всякое, в том числе и самое тяжелое. Тем не менее, мы жили и живем, и я теперь не представляю свою жизнь без любящей и любимой супруги.

А вот дочка... Она мне доставляла и великие радости и великие горести. Какой это был очаровательный ребенок, как мило мы с ней играли во все, во что только можно играть... Почти не болела в детстве, рано начала ходить и говорить, читать и писать. Пошла в школу и до поры до времени радовала нас своими отличными отметками. А вот лет в четырнадцать начались проблемы. То зеркало разгрохает, в порыве недовольства своей внешними данными. То в школе с учителями поскандалит из-за какого-нибудь неосторожного замечания в свой адрес. То домой ночевать не придет, а ведь тогда ни мобильных телефонов, ни пейджеров еще не было, так что нервов мы с женой основательно поистратили. Чуть позже мальчишки появились, да ладно бы нормальные мальчишки, я бы только рад был, а то ведь явно полукриминальный элемент... В начале девяностых я как раз начинал свою карьеру адвоката, да и отцовское чутье не подводило, так что никаких иллюзий насчет новых знакомых моей Зинаиды не питал.

Не доглядел, не досмотрел, не пожелал давить на дочь, понадеялся на ее здравый смысл, не проявил твердости, был слишком занят работой... Сейчас какие угодно можно оправдания искать и находить, но тогда, в девяносто шестом, когда Зину с тяжелейшей передозировкой увезли в больницу, где вдобавок еще и выяснилось, что она на втором месяце беременности, я думал только об одном: пусть выживет. Какая-никакая, но она моя дочь. Молодые парни и девчонки в те годы сваливались в наркотическую яму целыми стопками и косяками, и большими баловнями судьбы можно считать тех из них, кто сумел из этой ямы выкарабкаться, не оставив в ней свое здоровье и свои мозги...

Ценой невероятных усилий нам с женой удалось поставить Зину на ноги. Внук наш умер, не родившись. Длительное лечение за умопомрачительные деньги, бесконечные воспитательные беседы, принудительное помещение в психушку... Но с тех пор она никогда, вообще никогда не прикасалась ни к наркотикам, ни к алкоголю, вернулась в одиннадцатый класс и сравнительно успешно окончила его, правда, на год позже, чем могла бы. С моей помощью сдала вступительные экзамены в Юридическую Академию, прошла пятилетний курс обучения, получила диплом и вот уже пять лет работает у меня, в должности помощника адвоката.

Умом и сообразительностью моя Зина не блещет, инициативу проявлять тоже не склонна. Зато она очень исполнительная и ответственная девушка, старательно выполняет все мои поручения, умеет толково работать с документами. А больше всего я ценю в ней навык получения информации от самых разных людей. Она может разговаривать кого угодно, от старушки на лавочке до маститого университетского профессора. Работа адвоката по конкретному уголовному делу сродни работе следователя, только следователь допрашивает, и граждане не имеют права его послать подальше, а адвокат просто беседует, и послать его может любое физическое лицо. Меня иногда посылали. Зинаиду – никогда.

Сразу после того как расстроенный, но обнадеженный Сергей вышел из моего офиса, я позвонил дочери, и, узнав, что она вот-вот закончит свои дела в службе судебных приставов, попросил ее захватить ко мне. Живет она отдельно, квартира ей перешла по наследству от моих

родителей, так что все рабочие вопросы мы обсуждаем именно в офисе.

– Ты ведь помнишь Сережу Волкова, сына моей институтской подруги? – спросил я, когда Зина приехала.

– Помню. Но мы же с ним виделись очень давно, еще когда оба детьми были... Вроде бы он на пять лет моложе меня. А что с ним?

– Не с ним, а с его бывшей девушкой. Ее обвиняют в убийстве. Сережа попросил меня разобраться в ситуации и добиться ее скорейшего освобождения.

Я, конечно, мог бы пересказать Зине разговор с Сергеем, но в этом не было необходимости. Когда ко мне в офис кто-либо приходит, я незаметно включаю диктофон, и вся беседа записывается, причем в высоком качестве. Когда Зина прослушала запись до конца, она спросила:

– Как мы будем ей помогать? Следователь ее так просто не выпустит, если уж счел нужным задержать.

– Мы будем искать того, кто на самом деле завалил Колю Абрамова. Если мы в ходе расследования найдем улики, указывающие на виновность другого лица, мы предъявим их следователю. Если же мы в процессе своего расследования придем к выводу, что преступление совершила именно Настя, то мы следователю об этом не скажем и просто будем ждать суда. А уж там как повезет. Я незадолго до твоего прихода звонил в следственное управление и узнал, в чьем производстве находится дело об убийстве Абрамова. Следователь по фамилии Харченко. Не очень молодой мужик, средних способностей, звезд с неба не хватает. Не очень грамотен как юрист, процессуальные нормы не всегда строго соблюдает. В прошлом году вел дело о крупной краже драгоценностей, погорел на мелочи: когда изымали вещественные доказательства, дубликаты ключей от сейфа, оба понятых, муж и жена, находились в состоянии опьянения. Протокол-то они подписали, да только защита уцепилась за их нетрезвый вид и подкинула суду мысль, что все эта процедура с изъятием подстроена оперативниками и самим Харченко. В итоге обвиняемого на всякий случай признали виновным в незаконном проникновении в жилище и дали условный срок, хотя я больше чем уверен, что цацки стырил именно он...

– То есть ты надеешься на то, что и по делу об убийстве Абрамова тоже будут нарушения?

– Надеюсь. И еще я надеюсь на то, что суду эти нарушения покажутся существенными. Видишь ли, Анастасия Трофимова – очень красивая девочка, а судить ее будет какая-нибудь не очень красивая тетя, так что шансов у нее меньше, чем у того рецидивиста, похитителя драгоценностей. – Я сделал паузу, побарабанил кончиками пальцев по полированной поверхности стола. – Но наша задача-максимум состоит в том, чтобы найти настоящего виновника. Если мы дадим Харченко неопровержимые факты, он будет вынужден Трофимову отпустить. Откровенно говоря, я разделяю настроение моего юного друга Сережи... Нельзя такой девочке сидеть в камере.

До восьми часов вечера мы вдвоем разрабатывали план действий на завтрашний день, распределяли между собой фигурантов дела, которых предстояло опросить, собирали информацию о них с помощью баз данных и социальных сетей. До знакомства с материалами уголовного дела я обычно стараюсь не строить преждевременных версий, такая поспешность в будущем может помешать правильному восприятию ситуации. Не хотел я ничего загадывать и сейчас. Но человеческий мозг живет своей жизнью, думает о том о чем хочет, и ничего с ним не поделаешь. Так вот, мой мозг уже в тот вечер настойчиво

подсказывал мне, что, если Настя Трофимова не убивала своего парня, то настоящего убийцу следует искать среди граждан, которые открыто и законно находились в тот вечер на базе отдыха. Включая двоих охранников, таких людей насчитывалось всего шестеро.

* * *

На следующее утро я прибыл в следственное управление, предварительно договорившись со следователем о встрече. Федор Михайлович Харченко, невысокий, склонный к раннему облысению мужичок, из тех, которых принято называть «плюгавенькими», принял меня в своем насквозь прокуренном кабинете. Сам я распротился с вредной привычкой много лет назад, но по роду деятельности мне приходилось общаться с людьми в очень разных условиях и разной атмосфере, так что никотиновый смог меня не смущал.

После улаживания некоторых формальностей («Как? А разве это вы адвокат Трофимовой? Ей же вроде уже назначили адвоката...»), я задал Федору Михайловичу простой вопрос:

– На основании чего задержана Настя Трофимова?

– Гражданка Трофимова задержана в порядке статьи девяносто первой Уголовно-процессуального кодекса, – внушительно начал Харченко, – и судья вчера согласилась с обоснованностью такой меры пресечения...

– Давайте говорить более простым языком, – мягко перебил я. – Какие у вас есть конкретные основания для обвинения в убийстве моей подзащитной? Кто-то видел, как она наносила удар топором?

– Никто не видел, – неохотно согласился следак, и далее заговорил короткими отрывистыми фразами, прямо как робот. – Но. Во-первых. За полчаса до убийства между Трофимовой и Абрамовым произошла ссора. В присутствии четырех свидетелей. Вчера всех опросил, все подтвердили. Во-вторых. Абрамов бросил своих друзей на берегу, ушел в дом. Пятеро остались у воды. Примерно через десять минут свидетельница Назарова пошла в дом за курткой, замерзла. В доме видела Абрамова. Живого. Еще минут через пять в дом пошел ее парень, Григорьев, забрать с зарядки сотовый телефон. Тоже видел Абрамова. Живого. Вернулись вместе с Назаровой на берег. После этого все пятеро оставались на месте, никто никуда не уходил, расхождений в показаниях нет. Все четко, все последовательно.

Я внутренне нахмурился. Пока ничего обнадеживающего.

– Примерно десять минут одиннадцатого Анастасия Трофимова молча встает и уходит в дом, – продолжил Харченко. – До оставшихся на берегу ребят доносится ее крик, они бегут следом и видят на полу труп Абрамова. Голова расколота надвое, здесь же валяется топор, лужа крови и мозгового вещества...

– Отпечатки?...

– На орудии убийства отпечатков нет, все стерто. Кухонным полотенцем, которое там же валялось, возле умывальника. Кстати, этим полотенцем они все руки вытирали, а возможности наших экспертов не безграничны. Установить, прикасался ли к этому куску ткани какой-нибудь седьмой человек, не получилось...

– А туда что, водопровод провели? – удивился я.

– Нет. Там обычный такой ручной умывальник, какие в дачных домах бывают.

– А топор откуда взялся? Местный?

– Да, местный. Прямо у стены дома стоит ящик с дровами, уже наколотыми, на крышке ящика лежит топор. Вернее, лежал. Все шестеро, в том числе ваша подзащитная, утверждают, что дрова они в тот вечер не кололи, обошлись привезенным с собой углем и жидкостью для розжига. Топор видели все, но никто его в руки не брал.

– А следы крови на одежде Трофимовой обнаружены?

– Нет.

– Как же так получилось? — язвительно спросил я. — Когда убиваешь человека топором по голове, то хотя бы мелкие, невидимые глазу брызги должны попасть и на собственную одежду.

– Валерий Павлович, я не первый год на следствии работаю. И знаю, что следов крови может и не быть. Смотря как ударить. Угол удара имеет значение, траектория падения тела... Скажем так: брызги крови на одежде подозреваемого почти всегда свидетельствуют об его виновности, а вот отсутствие таких брызг ни о чем не свидетельствует. Пообщайтесь с экспертами, они подтвердят.

Харченко вынул из пачки сигарету, прикурил от спички. Надо же, кто-то еще предпочитает пользоваться спичками, а не зажигалками.

– Ну, а третье что?

– Не понял.

– Вы сказали «во-первых, во-вторых...». Или это все?

– Не все. Есть показания двоих охранников. У них в должностной инструкции написано: если на базе есть отдыхающие, то следует держать их в поле зрения, следить за соблюдением пожарной безопасности, за личным автотранспортом на стоянке. И периодически обходить территорию базы по периметру.

– И...

– Они следили. Обходили. Никого из посторонних не видели. Шума автомобилей не слышали. На эту базу можно добраться только на машине, от железнодорожной станции километра четыре будет, если через лес, а по дороге все пять. Место глухое, дорога грунтовая, тупиковая.

Я задумался. Географическое положение озера Радужного для меня не было секретом, я и раньше знал, что без машины туда добраться очень трудно. Да и на машине не велика радость трястись по ямам и колдобинам, дорога-то еще та... Ближайший населенный пункт, поселок сельского типа Сосновка с одноименной станцией железной дороги, действительно расположен в четырех километрах по прямой. Потому Радужное до сих пор и сохраняет свою экологичность, мало находится желающих разбивать подвеску автомобиля или плестись целый час пешком со станции. Кто же мог в майский вечер пробраться на территорию студенческой базы, да так что ни охранники, ни отдыхающие его не видели и не слышали?...

– Насколько я знаю, проникнуть на базу отдыха можно беспрепятственно, — заметил я, стараясь говорить уверенно. — Никаким забором, даже символическим, она не обнесена. И там ведь не голая степь, там сосны, кусты... Посторонний человек при желании мог бы незаметно зайти в дом, расколоть череп Абрамову, быстро выскочить и скрыться в лесу.

– Оочень гипотетически, оочень теоретически, — открыто усмехаясь, протянул Харченко, — мог бы. Но вот кто? Местный житель, заблудившийся в лесу? Шел себе да шел, грибы собирал в лукошко, в середине мая, вдруг видит — студенты на берегу оттягиваются. Взял топор с ящика для дров, зашел в домик и ни с того ни с сего раскрыл голову Коле

Абрамову. Разве правдоподобно?

– Вполне. Решил наудачу пошариться в домике, ведь студенты все свои вещи туда сложили, наверняка и денег хоть немного с собой было, и фотоаппарат кто-то мог взять, и сотовый телефон... Сами говорите, Григорьев свой телефон заряжал. Вошел этот местный житель в домик, а там Коля. В такой ситуации можно, конечно, сказать, что вот, типа, по ошибке зашел, извиняйте. А можно разок махнуть топором и убежать, тоже вариант.

– Нет, Валерий Павлович, возможность случайно оказавшегося рядом мелкого воришки я исключаю. Если бы у него целью была кража, для чего бы он с топором в домик поперся?

Я немного подумал. Товарищ Харченко, которого я мысленно стал называть Достоевским (не только из-за имени-отчества, но и из-за присутствия в уголовном деле соответствующего оружия!), говорил в общем-то правильные вещи. Обманывать меня по поводу свидетельских показаний ему не резон, все равно ж у меня доступ ко всем материалам дела есть. И по поводу возможности проникновения посторонних на базу – тоже вполне логично. Но вслух я сказал другое:

– Федор Михайлович, «маловероятно» не значит «абсолютно исключено». Версию с участием посторонних лиц вы не должны отбрасывать...

И вот тут-то меня ждал болезненный удар.

– А вот ознакомьтесь с протоколом осмотра места происшествия, – торжествующе произнес Достоевский и протянул мне через стол несколько скрепленных степлером листов бумаги. – В состав оперативно-следственной группы входил кинолог со своим питомцем. Они осмотрели, точнее, обнюхали землю вокруг домика. Окна там такие маленькие, что взрослому человеку ну никак не пролезть, стало быть, убийца мог уйти только через единственную дверь. Так вот, все следы от входной двери ведут на берег. Вглубь леса собака двинулась было, но возле ближайших кустов остановилась.

– Значит...

– Ничего не значит! Ничего, кроме того что девочка по имени Юля и по фамилии Назарова, когда бегала в домик за курткой, добежала заодно и до этих кустиков, по малой нужде, – еле сдерживая смех, сообщил следователь. – Об этом она мне сама вчера рассказала, когда я выяснял все их передвижения с половины десятого до начала одиннадцатого.

Неприятное известие... С собакой не поспоришь, ей мои аргументы нужны как пятая лапа. Если она решила, что в тот вечер посторонние люди от гостевого домика в лес не уходили, значит, так оно и будет. Мой небогатый опыт общения со служебными собаками подсказывает, что даже очень хорошая ищейка может иногда ошибаться. Неблагоприятные метеоусловия могут повлиять, или беглец начнет заячьи петли крутить... Да мало ли возможностей! Только вот каким образом я смогу сейчас, на третий день после убийства, доказать, что какая-нибудь овчарка не сумела взять след?

* * *

Дочь и помощница адвоката Лебедева держала путь в Центр судебно-криминалистической экспертизы. То было первое поручение, которое дал ей отец в связи с делом об убийстве Николая Абрамова. Свои задания он всегда проговаривал очень четко, долго прикидывал, какие непредвиденные ситуации могут возникнуть, если Зина пойдет

туда-то и поговорит с тем-то. Постоянно советовал не самодеятельничать, не пытаться прыгнуть выше головы. «За проявленную инициативу, если она приведет к негативным последствиям, я тебя не накажу, потому что я – твой отец. Но тебя накажет само дело, которое мы с тобой делаем. Я знаю, ты тоже опытный юрист, сколько лет вместе работаем. Но у меня опыта еще больше, так что доверься мне, просто выполняй в точности мои поручения, и ничего сверх», – говорил он, и бывшая наркоманка Зина Лебедева испытывала двойственные чувства. С одной стороны, она понимала отца, в свое время прошедшего вместе с ней тяжелейшие испытания. Нет, не вместе с ней, а по ее вине. А с другой стороны – ну ведь восемнадцать лет уже прошло, и между ней и той малолетней дурой почти ничего общего не осталось... Не слишком ли отец оберегает ее? Имеет ли смысл так рьяно ограничивать ее инициативу? Она ничуть не глупее своего отца, она обязательно предоставит ему возможность в этом убедиться. Тогда он поймет, что все его старания были не зря...

В Центре судебно-криминалистической экспертизы у нее имелись хорошие знакомые. Впрочем, как и во всех структурах, так или иначе связанных с расследованием преступлений. Ничего удивительного: из группы, в которой она училась, три человека стали теперь были следователями, один – прокурором маленького провинциального городка, человек пять трудились в уголовном розыске и столько же – в уголовно-исполнительной системе. У каждого из них, соответственно, тоже хватало друзей и знакомых, так что при желании можно было найти опору в любом государственном юридическом учреждении.

Через несколько минут Зина уже разговаривала с сорокадвухлетней женщиной, экспертом-криминалистом Натальей Горчаковой. Той самой, которая в ночь с субботы на воскресенье проводила осмотр трупа Николая Абрамова.

[Купить полную версию книги](#)